

Конный экипаж был набит битком, но атмосфера внутри была не очень.

Сяо Фусюань не хотел садиться и, как и в прошлый раз, решил встать и прислониться к двери.

Фан Чу сидел с той же стороны, что и И Ушэн. С тех пор, как он устроился на месте, он прикинулся мёртвым, притворяясь, что не проснётся, пока они не придут на место.

Нин Хуайшань сидел рядом с У Синсюэ. Его худое тело уместилось в самом углу. Шрам от меча у него на шее снова болел, он был влажным и мягким на ощупь, как будто вот-вот снова откроется.

Его раздражала эта старая рана, и он решил излить раздражение на И Ушэна. Он грубо сказал:

— Разве ты не говорил, что всё ещё сожалеешь? Что, уже нет?

И Ушэн ответил со смущением на лице:

— Мне стыдно.

Он был очень любознательным человеком и всегда старался докопаться до сути вещей. Но если бы не этот темперамент, как бы он разработал столько новых лекарств?

Раньше ему мешал его статус в ордене Хуа, и ему всегда нужно было обращать внимание на всё, что он делал. Ему нужно было всегда сохранять спокойствие, и ему даже приходилось сдерживать некоторые из своих естественных инстинктов. Теперь, когда ему оставалось жить всего несколько дней, он, наконец, мог быть свободен и действовать так, как его сердце желало.

Первоначальным намерением Нин Хуайшаня было просто спровоцировать его. Но видя, что тот только испытывает стыд, а не сердится, он не нашёл повода продолжить разговор. Он забился в угол и вскоре начал тереть шрам на шее.

Он и так был очень тощим и, прислонившись к углу, был похож на обиженного ребёнка.

И Ушэн некоторое время смотрел на него, а затем не мог не спросить:

— Твой шрам...

Нин Хуайшань внезапно бросил на него яростный взгляд:

— Не твоё дело.

В конце концов, шрам тогда оставил именно И Ушэн. Хотя для заклинателей было естественно уничтожать демонов, И Ушэн не мог не волноваться, увидев такую рану.

И Ушэн спросил:

— Опять болит?

Нин Хуайшань огрызнулся:

— Нет!

— У меня есть лекарство... — начал было И Ушэн.

— Не возьму! — отрезал Нин Хуайшань.

И Ушэн всё ещё хотел что-то сказать.

Нин Хуайшань не дал ему продолжить:

— Ещё одно слово, и ты труп.

Обычно он не задумывался, когда проклинал других. Только после этих слов он понял, что И Ушэн ведь на самом деле был близок к смерти.

Поэтому он даже почувствовал намёк на вину и раскаяние.

И Ушэн ничего не сказал. Он лишь улыбнулся и всё же достал таблетку из своей аптечки.

Нин Хуайшань чувствовал себя ещё более виноватым.

Когда он снова поднял голову, то увидел, что градоначальник, который отдыхал с закрытыми глазами, приподнял веки и бросил на него взгляд. Нин Хуайшань немедленно сдался, взял таблетку из рук И Ушэна и проглотил её.

После этого он протянул под столом ногу, чтобы пихнуть Фан Чу, а затем прошептал:

— Хватит притворяться спящим, помоги мне тут.

Фан Чу не пошевелился и через некоторое время ответил:

— Нет.

Причина, по которой Фан Чу решил прикинуться мёртвым сразу же после того, как сел в повозку, заключалась в том, что с тех пор, как занавески внутри были опущены, он внезапно осознал проблему...

По пути сюда ехал тот же экипаж и те же пять человек. Он думал, что трое из них были демонами из города Чжаое, а один — марионеткой, находящейся под контролем демона. Следовательно, они имели преимущество.

Заклинатель из ордена, И Ушэн, был совсем один и окружён демонами.

Но больше нет.

И Ушэна никто не заставлял, вместо этого он пришёл сюда добровольно. Марионетка тоже не была марионеткой, это был сам Небесный Бессмертный Тяньсю. Их повелитель больше не был просто градоначальником, он был Королём Духов из столицы бессмертных — человеком, имевшим тот же статус, что и Тяньсю.

Пять человек, трое из которых были на стороне бессмертных. Он и Нин Хуайшань были практически мертвы.

Более того, место, где раньше располагался рынок Лохуашань, теперь стало входом в Логово Демона в городе Чжаое. Привезти туда эту карету, полную бессмертных, будет ли это считаться изменой?

Почему из всех мест, куда они могли отправиться, это должен был быть рынок Лохуашань...

Фан Чу почувствовал, как его желудок перевернулся.

И сразу после этого он услышал сонный голос их владыки.

— Сяо Фусюань, — сказал У Синсюэ.

Человек, прислонившийся к двери, оглянулся.

— Почему ты не садишься? — спросил У Синсюэ. — Здесь достаточно места.

Как только прозвучали эти слова, Фан Чу, притворявшийся мёртвым, и Нин Хуайшань,

притворявшийся слабым, мгновенно открыли глаза.

Повозка действительно была довольно просторной. С одной стороны легко могли поместиться три человека. Но проблема была в них двоих.

И Ушэн и У Синсюэ сидели в глубине, а они вдвоём сидели ближе к двери. Если Тяньсю сядет, то один из них должен быть зажат посередине...

Нин Хуайшань немедленно ударил Фан Чу ногой, мысленно сказав: «Эй, садись сюда **НЕМЕДЛЕННО**. Пусть Тяньсю сядет с И Ушэном!»

Фан Чу ответил: «Если я пересяду к тебе, то мы зажмём нашего повелителя в угол, ты с ума сошёл?»

Неожиданно Фан Чу случайно промахнулся и вместо этого попал в У Синсюэ.

У Синсюэ потёр грелку для рук и сказал вслух:

— Я не уверен, что я сумасшедший, но что я знаю точно — вы двое, безусловно, создаёте настоящий переполох.

Фан Чу: «...»

Фан Чу был демоном десятилетиями, и это был первый раз, когда он смутился. Он мог только молча смотреть на человека, который всё это начал, на Нин Хуайшаня.

Разоблаченный, Нин Хуайшань не осмелился больше оставаться рядом с У Синсюэ. Он быстро перебрался на противоположную сторону.

У Синсюэ: «...»

Он сердито спросил:

— Куда ты рванул?

Нин Хуайшань сел рядом с Фан Чу. Конечно, он не мог сказать: «это потому, что я тебя боюсь». Поэтому он мог только вежливо ответить:

— Это чтобы освободить место для Тяньсю.

После разговора в повозке наступило молчание. Владыка и Тяньсю одновременно посмотрели на него.

Нин Хуайшань: «...»

Он чувствовал, что, должно быть, что-то не так с тем, что он сказал, но не мог точно понять, что именно. Он мог только прикрыть шею и попытаться облегчить неловкость.

Он заскулил:

— Повелитель, у меня болит шея.

«Пусть в следующий раз это будет твой рот», — подумал У Синсюэ.

Он вздернул подбородок и неторопливо напомнил:

— На участке, который ты прикрываешь, уже начали образовываться струпья, можешь опустить руку чуть ниже.

Нин Хуайшань: «...»

Лекарство И Ушэна было действительно мощным. Достаточно было одной таблетки, чтобы остановить боль. Однако раз уж он начал притворяться, то должен был делать это до конца.

Итак, он молча переместил палец на несколько сантиметров вниз.

Городской лорд не проявил к нему никакого милосердия, мягко сказав:

— Слишком поздно, на этой части тоже уже образуется струп.

Нин Хуайшань опустил руку, он больше не мог прикидываться.

У повелителя всегда был ленивый темперамент, даже когда он говорил. Он редко так дразнил их. Нин Хуайшань, чувствуя себя обиженным, тихо пробормотал:

— Всё, что я сделал, это подвинулся, чтобы освободить место...

У Синсюэ сказал про себя: «Кто тебя просил?»

<http://bllate.org/book/12946/1136642>